

Владимиру Бондаренко — 75!

Владимиру Григорьевичу Бондаренко — 75. Боже мой, милый друг Володя! Где они, твои шальные, весёлые, жадно смотрящие на мир глаза? Такие глаза бывают у новорожденного ребёнка, которому важно и интересно всё: и звук, и цвет, и аромат, и любая тень, и любой луч. Таким ты предстал передо мной много-много лет назад, почти юнец, прибывший в Москву из сосновой и синеозёрной Карелии.

Сейчас твои глаза помудрели, в них появилась печаль, разочарование, но на самом их дне всё те же сверкающие искры твоей молитвенной любви, которую ты несёшь через всю свою жизнь и которая, как крылья, несёт тебя в русском небе. Это любовь к русской словесности, к русскому божественному слову, к России, загадки которой отгадывали и отгадывают самые мудрые, самые просветлённые люди нашей земли. Для тебя эта отгадка лежит в сокровенном русском слове. Ты обожаешь русскую литературу. Ты — её жених, ты с ней повенчан. Сколько прекрасных статей, книг написал ты о великом явлении — нашей деревенской литературе. Ты воспел каждого из златоустов: и Распутина, и Белова, и Астафьева, и Носова, и Личутина, и изумительного Рубцова, и Кузнецова, и Тряпкина. Ты, как драгоценный камушек, сверкаешь в этом могучем русском потоке. И все, о ком я говорю, все тебя любили, иногда журили, часто — учили своим художеством, своим великим стяжиением.

Ты, дорогой Володя, — столпник русской литературы. Всю жизнь ты простоял на этом столпе. Вокруг тебя бушевали не-

други, враги, отъявленные русофобы; они приносили к порогу твоего дома, к основанию этого столпа, мешки с гнилыми костями. Ты был для них «красно-коричневым», был «фашистом», был «изгоем», «нерукопожатным». Но в тебе никогда не было ненависти, ты никогда не хотел мстить. Ты знаешь нечто такое, чего не знают многие из нас, в том числе и я. Твоя неистовость, твоя ярость совместимы с удивительной кротостью, чистотой и добродушием. «Добро должно быть с кулаками», — повторял ты куняевские хрестоматийные строки. Но кулаки должны быть добрые — это твой взгляд, толстовский взгляд, взгляд православных подвижников на мировое зло.

Незабываемы наши литературные посиделки, которые ты устраивал у себя в подмосковном посёлке «Правда», где обитал тогда — молодой, входящий в литературу критик. Как славно собирались мы у тебя — самонадеянные, мечтающие о славе, выпустившие свои первые книги. Это там, на «Правде», образовался литературный кружок, который потом стал называться «Клубом сорокалетних». Ты — его создатель и вдохновитель. Ты, самый молодой из нас, был нашим старостой. Какой это был интересный, важный период не только русской литературы, но и русской исторической мысли.

Русская литература тогда была трёхкрылой. У неё было три крыла, и каждое, казалось, летело отдельно, а все вместе — это и была птица русской литературы. Одно крыло —

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:

Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат

ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2021
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные
индексы издания:

в каталоге агентства
«Роспечать»

70782 на полугодие,
71752 на год;

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге
«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2021 №6 /1875/ Основана в 1927 г.

Красная зона

Современный российский рассказ

Георгий Пряхин

Красная зона

По горячим следам

Она даже не появилась — она *проявилась* в тёмном дверном проёме, как проявляется негатив.

Нет. На подлинных старинных, уже чернённых временем иконных досках — мне нравится у Даля: «из одного дерева икона и лопата», и я бы добавил: и старая, натруженная человеческая ладонь, — изображения кажутся не нанесёнными, извне, даже самой искусственной, мастерской рукой, а проступившими изнутри. Как на бязевой натальной сорочке молодой матери проступает солнечное молозивное пятно.

Настоящие иконы почему-то всегда выпуклы, не отвесны, как будто их делают из морёных плашек, первоначально предназначенных даже не для лопат, а для пузатых деревянных кадушек.

Увидел её краем глаза. Знаю точно, что дверь в мою комнату была закрыта. В комнате темно, насколько темно может быть ночами в квартирах современных бессонных, в электрических сполохах, многомиллионных роевых городов.

Я не в бреду — это тоже знаю точно, поскольку даже в самые кризисные ночи моей болезни температура у меня не поднималась выше 38,5. Я один, ухаживающую за мной младшую дочь сморило в соседней спальне. Я, повторяю, в здравом, пока ещё в здравом, рассудке. Дверь закрыта — раньше они у нас были светлые, но сейчас, после ремонта, жена поменяла все их, в том числе и колер, на тёмный, псевдоморёный, если и не церковный, то — монастырский, мужского монастыря. Монастырь по виду мужской, хотя состав его преимущественно женский — из мужчин я тут чаще один.

И вот перед этой закрытой, тяжёлой дверью — или прямо на этой двери? — проявилась, проступила молозивом, моя мать. Вошла. Пропиталась.

Которой нет на белом свете уже ровно пятьдесят девять лет.

И которая давным-давно уже даже не снилась мне, разве что изредка-изредка отдельными родными, вдруг возникающими в памяти чертами. Во сне, а чаще ная-